

63.3(2)

А 47

В. Алексѣевъ.

„Самодержавіе
и
общественное мѣхніе“

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на-Дону.

Цѣна 4 к.

“ въ Ростовѣ на Дону.

голодь	10
одъ въ Германіи	0
м. полож. еврейск. пролет.	4
—Дурные пастыри	10
ковъ—Общ. движ. въ Рос.	60
евъ—Честнымъ путемъ	7
ехтъ—Рѣчь о налогахъ	7
русскаго рабочаго	12
—Ист. револ. движ. въ Рос.	50
устр. въ запад-европ. стран.	0
ги въ Англии	10
ваніе рабочихъ	15
ская коммуна 1870—1871 гг.	10

дет 63.3(2) 34400

Ачч Алексеев В.

“Самодержавіе и
оду, мнѣше” Б. Г.

34400

Г
П
М
Ка
Го
Е.
Ж
Зо
Зо
Гр
Гэ
Ст
Ма
Д
П
Го
Зем
Мп
Дж
Ам
Обл
Гол
Яку
Ког
Сем
Рус
Рус

торга	25
въ Англии	15
въ Россіи	3
горія ч. I.	17
ч. II.	13
стихотвор.	20
б. день	0
нгл. гражд.	0
озьяст. жизн.	0
въ Россіи	0
отечест.	0
пролетар.	0
й праздн.	4
ика с.-демок.	5
. . . . .	15
. . . . .	15
зем. собств.	4
оль	20
иссельбур.	0
право	0
упл. т. I.	50
т. II.	75
. . . . .	2
крестьянъ	0
ачка	4
г. государс.	4
во Фр.	0
Штат.	20
до парл.	6
вн. въ Рос.	20
л. на Зап.	35
партія	8
. . . . .	0
. . . . .	0
а	0
въ Россіи	15
. . . . .	0
. . . . .	0
. . . . .	25
либерал.	7
ка	0
оре	15
ски	4
бб. съ ней	10
оцессъ	15

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кутузова

с1
47

63.3(2)
А47

В. Алексѣевъ.

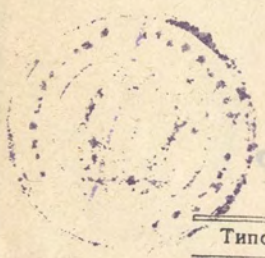
„Самодержавіе
и
общественное мнѣніе“

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на-Дону.

2493
2493

~~2493~~
2493

Типография „Донская Рѣчь“ Ростовъ на Дону. 1906.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

„Самодержавіе и общественное жхтіе.“

1.

Самодержавіе можно считать вполнѣ установленнымъ образомъ правленія въ XVI вѣкѣ.

Первый русскій царь—Иванъ IV былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ истолкователемъ и насадителемъ русскаго самодержавія. Обладая, при глубокомъ умѣ и сильномъ характерѣ, крупнымъ литературнымъ талантомъ, Иванъ IV необыкновенно полно и рельефно формулировалъ идею самодержавія и необыкновенно послѣдовательно и неумолимо провель ее на практикѣ. Въ этомъ смыслѣ Иванъ IV является прообразомъ русскихъ царей-самодержцевъ, которые, видоизмѣняя внѣшніе приемы власти и облагораживая формы ея, въ сущности на протяженіи столѣтій остаются такими же «грозными» царями-опричниками, какъ ихъ прапрадѣдъ Иванъ Васильевичъ.

Теорію самодержавія Иванъ IV развилъ въ извѣстной перепискѣ съ эмигрантомъ, кн. Курбскимъ. Возражая своему корреспонденту на требованіе ограниченія верховной власти участіемъ народа, Иванъ IV писалъ.

«Русское самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ имѣетъ отъ великаго князя Владимира св. и Владимира Мономаха, высокодостойнѣйшую честь отъ грекъ воспріимшаго... и дойде до насъ смиренныхъ скипетродержавія русскаго царствія... Божіимъ изволеніемъ и прароди-

телей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся... свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ».

Царь хотѣлъ этимъ указать на изначальность своей власти и источникъ ея. Источникъ его власти божественъ. «Нѣсть бо власть аще не отъ Бога». Другого источника Грозный не признавалъ. Онъ кичился даже божественнымъ происхожденіемъ своей власти передъ избранникомъ народа, королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

«Мы, смиренный Иванъ, Царь и великій князь всея Руси, по Божью изволенію, а не по многоятежному челоувѣческому мнѣнію»—писалъ Иванъ IV Баторію со смиреніемъ, которое паче гордости. Съ этой точки зрѣнія Грозный считалъ себѣ равнымъ, «въ братствѣ», только турецкаго султана, истиннаго самодержца. Самодержецъ только тотъ, кто «самъ строитъ» государство, а не тотъ, кто дѣлитъ власть съ избранной радой. Другой формы правленія, кромѣ самодержавія, Иванъ IV не признавалъ.

Самодержца же онъ себѣ представлялъ, какъ намѣстника Бога, которому народъ отданъ Богомъ въ полное распоряженіе, какъ «повинные рабы», которые по Божію повелѣнію не должны отмяться своего работнаго ига и владычества своего государя», но должны безусловно и безпрекословно исполнять его волю, какъ волю самого Бога. Въ распоряженіи царя-самодержца находится самая жизнь подданныхъ—«доброхотныхъ своихъ жалуюмъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь приемлютъ». За свои дѣйствія царь не даетъ никому отчета, отвѣчаетъ только предъ Богомъ.

Уже въ такомъ пониманіи власти заключается униженіе народа и непризнаніе въ немъ, такъ сказать, личности. А представители власти, цари-самодержцы, кромѣ того, еще стали прямо во враждебныя отношенія къ населенію.

Съ одной стороны—верховная власть все время твердитъ о своей любви къ народу, о своей заботливости о народѣ, нерѣдко мы слышимъ даже такія эффектная заявленія, какъ—государь есть первый слуга народа (Петръ I), или «блаженство всѣхъ и каждаго» есть предметъ неустанныхъ заботъ монарха (Екатерина II), словомъ; верховная власть настойчиво выставляетъ свои народническія чувства.

Съ другой стороны—мы видимъ, что верховная власть не оказываетъ народу никакого довѣрія, заподозриваетъ его во враждебныхъ чувствахъ къ себѣ и государственному порядку, имъ охраняемому, и отгораживается отъ народа близкими къ себѣ людьми, которымъ, какъ бы въ укоръ народу, оказываетъ безграничное довѣріе.

Казалось бы, народъ, которому хотять служить, интересы котораго на словахъ, по крайней мѣрѣ, ставятся выше и священнѣй всего, нельзя заподозрѣвать и устранять отъ участія въ управленіи.

Царь Иванъ IV, первый, подалъ примѣръ подобныхъ противорѣчивыхъ отношеній.

Въ извѣстномъ посланіи къ гостямъ, купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы, написанномъ послѣ отъѣзда въ Александровскую слободу, царь Иванъ IV писалъ, чтобъ они себѣ никакого сомнѣнія не держали, что гнѣва царскаго на нихъ и опалы никакой нѣтъ, т. е., что онъ имъ довѣряетъ. А, между тѣмъ, учредилъ «опричнину», т. е. кругъ людей, заслуживающихъ безусловнаго довѣрія царя, отдалъ въ ихъ распоряженіе всю «земщину», т. е. русскій народъ и поручилъ имъ выводить измѣну изъ русской земли. Насколько велика была эта измѣна въ глазахъ «грознаго» царя, показываютъ такія массовыя убійства народа, какъ въ Новгородѣ. Не ясно ли послѣ этого, что, на самомъ дѣлѣ, русскому народу не довѣряли, его заподозрѣвали въ измѣнѣ и потомъ беспощадно истребляли. Въ концѣ концовъ, при такомъ взглядѣ оказывались благонадежными и заслуживающими довѣрія только царскіе опричники—они вмѣстѣ съ царемъ соста-

вляли соль русской земли, воплощеніе русскаго государства, а все остальное населеніе—презрѣнная земщина, враги государства. Такъ, на самомъ дѣлѣ, и было. Царь съ опричниками совершенно выдѣлился изъ русскаго государства, образовалъ государство въ государствѣ, открыто объявилъ остальное населеніе измѣнниками, врагами государства и, не менѣе открыто, повелъ съ этими «врагами» войну.

Болѣе рельефно и прямолинейно нельзя было подчеркнуть своего недовѣрія къ народу, чѣмъ это сдѣлалъ Иванъ IV. Ясно было съ кѣмъ царь—съ народомъ или противъ него.

Съ тѣхъ поръ эта схема отношеній верховной власти къ народу осталась традиціонной — отъ Грознаго она перешла къ его преемникамъ Рюриковичамъ, а потомъ къ Романовымъ.

2.

Недовѣріе къ народу, о которомъ мы сейчасъ говорили, проходитъ красной нитью черезъ всю внутреннюю политику самодержавія, и имъ опредѣляется направление правительственной дѣятельности въ заботахъ о населеніи за все время его существованія. Уменьшается недовѣріе—народъ получаетъ большій просторъ для своей личной и общественной дѣятельности, и больше удѣляется вниманія его нуждамъ и интересамъ; увеличивается недовѣріе—и заботы о нуждахъ и интересахъ населенія идутъ на убыль, уступаютъ свое мѣсто заботамъ объ интересахъ правительства. Такимъ образомъ, задачей управленія оказывались не интересы и нужды народа сами по себѣ, а удовлетвореніе ихъ по столько, по сколько населеніе заслуживало довѣрія со стороны правительства. И народъ, чтобы получить удовлетвореніе своихъ законныхъ и часто самыхъ насущныхъ нуждъ и интересовъ, долженъ былъ, какъ школьникъ, заслужить это, получить довѣріе у правительства. Какой же критерій былъ у правительства для довѣрія или андовѣрія къ народу?

Критерій этотъ выработался очень рано и позднѣ получилъ точную формулировку въ выраженіи «виды правительства», т. е. виды династіи и правящаго класса. Въ чемъ состояли самые «виды правительства», это опредѣлялось, каждый разъ особо, самимъ правительствомъ. Вообще же, ихъ можно свести къ сохраненію за правительствомъ исключительнаго руководства внутренней политикой и пользованія, благодаря этому, властью въ интересахъ правящаго класса.

На это прокрустово ложе «видовъ правительства» и были, такъ сказать, положены интересы русскаго народа.

Едва ли нужно доказывать, что, при такомъ пониманіи «видовъ правительства», управление государствомъ становится средствомъ для достиженія цѣлей не только постороннихъ государству, но даже враждебныхъ ему.

И дѣйствительно, интересы народа выставлялись нашимъ правительствомъ только какъ вывѣска, какъ фиговый листъ, а, на самомъ дѣлѣ, преслѣдовались своекорыстные интересы правящаго класса.

Послѣдніе до такой степени берутъ верхъ надъ первыми, что отождествляются съ ними, лучше сказать, вполне подмѣняются ими, выдаются за народные, государственные; и охрана представителей этихъ интересовъ, т. е. правящаго класса, становится государственнымъ дѣломъ, и цѣльность правительства приравнивается къ цѣлости государства. Государство какъ бы заключилось въ тѣсный кругъ правящаго класса, который, съ полнымъ правомъ, могъ бы сказать—да и говорилъ на дѣлѣ—про себя, подобно Людовику XIV: «государство—это я».

3.

Само собою разумѣется, подобная подмѣна народныхъ интересовъ, обманъ народа не могли продолжаться безъ конца и оставаться безнаказанными. Рано или поздно, обманъ долженъ былъ открыться, и виновники его долж-

ны быть обнаружены, изобличены и получить достойное возмездіе.

Правительство отлично чувствовало это. Отъ степени его бдительности зависѣло, однако, продлить состояніе обмана и отсрочить время возмездія. Для этого надо только держать народъ въ невѣдѣніи, слѣпотѣ и всѣми мѣрами предупреждать или пресѣкать появленіе прозрѣвающихъ людей. Узнать, кто именно опасенъ въ данный моментъ въ этомъ смыслѣ,—трудно; легче предположить, что опасны всѣ, пока не доказана безопасность. И вотъ все населеніе объявляется на подозрѣніи. Недовѣріе—пассивное состояніе переходитъ уже въ активное—подозрѣніе, которое влечетъ за собой сыскъ, доносы, шпіонство и т. д.

Сыскъ становится главнѣйшимъ дѣломъ правительства. Администрація, на обязанности которой лежитъ забота о благоустройствѣ и безопасности населенія, отдала все свое вниманіе, всѣ свои силы дѣлу сыска. Сыскъ возложенъ даже на такія учрежденія, которыя, казалось бы, совершенно непричастны къ этому дѣлу, какъ, на примѣръ,—почта и телеграфъ; орудіемъ сыска сдѣлана школа и церковь, къ сыску привлечены судебныя и общественныя учрежденія. Доносчики и шпіоны расползлись, какъ болѣзнетворные микробы, по всему лицу земли русской и заразили ея государственный организмъ.

Сыскъ въ настоящее время сопутствуетъ русскому человѣку всюду, на каждомъ шагу, въ отдѣльности и вмѣстѣ, въ частной, семейной и общественной жизни, во всѣхъ сферахъ его личной и общественной дѣятельности. Сыщикъ проникаетъ въ самые сокровенные тайники души русскаго человѣка и безцеремонно, грубо роется тамъ, старается залѣзть въ мысли, наложить руку на совѣсть. Въ жертву интересамъ сыска принесены самые драгоценные интересы народа—свобода личности, совѣсти, слова, правосудія, закона.

И это не только въ наши дни, когда сыскъ, дѣйствительно, перешелъ всякія границы,—а съ древнѣйшихъ вре-

мень, съ московскихъ. Какъ недовѣріе возникло съ первыхъ дней самодержавія, такъ явился тогда же и спутникъ его—сыскъ.

Спеціальныя учрежденія сыска и казни сыскиваемыхъ идутъ съ XVI вѣка и пользуются самой громкой репутаціей и самой страшной ненавистью населенія. Знаменитые застѣнки опричниковъ съ грубыми орудіями пытки, отсѣченіемъ головы, «кашненіемъ на болотѣ» или Лобномъ мѣстѣ, смѣняются въ XVII вѣкѣ застѣнками знаменитаго Преображенскаго приказа, который, въ свою очередь, уступаетъ мѣсто Тайной Канцеляріи, а въ XIX вѣкѣ является всѣмъ хорошо извѣстное, III-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и утонченныя наказанія и пытки, въ родѣ одиночнаго заключенія, лишенія свѣта, воздуха, пищи и удушванія шелковой веревкой.

И надо замѣтить, что всѣ эти учрежденія стоятъ очень близко къ монарху-самодержцу, пользуются особымъ его вниманіемъ и непосредственнымъ его участіемъ. Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ лично вѣдалъ тайный приказъ, а сынъ его самъ допрашивалъ, пыталъ и даже самъ рубилъ головы стрѣльцовъ. Послѣдніе монархи не могли, конечно, въ силу измѣнившихся условій, проявлять своего рвенія въ сыскѣ въ такой грубой формѣ, тѣмъ не менѣе, близкое участіе ихъ въ сыскѣ несомнѣнно. Послѣ военныхъ парадовъ и смотровъ, это наиболѣе близкое ихъ сердцу дѣло. Напомнимъ объ участіи Екатерины II въ дѣлѣ Радищева, или объ участіи Николая I въ дѣлѣ декабристовъ и, вообще, въ дѣятельности Третьяго отдѣленія; отмѣтимъ, наконецъ, близость и довѣріе тѣхъ, кто стоялъ во главѣ сыскныхъ учрежденій, которыми они пользовались всегда и неизмѣнно у самодержцевъ. Очевидно, такая близость самодержцевъ къ сыску не случайна, разъ она наблюдается постоянно, а коренится въ томъ особомъ характерѣ, который приняла данная форма правленія.

Правительство не оставляло своей системы недовѣ-

рія даже въ рѣдкіе моменты,—торжества сторонниковъ привлеченія народа къ участию въ управленіи. Всѣ возникавшіе въ это время, съ позволенія сказать «конституціонные», проекты проникнуты прямо оскорбительнымъ для народа недоувѣріемъ. Таковы всѣ проекты въ царствованіе Александра II и Николая II.

Участіе народу въ управленіи, согласно этимъ проектамъ, дается самое скромное—законосовѣщательное или даже въ качествѣ экспертовъ. Но и такая скромная форма сведена совершенно къ нулю—устраненіемъ цѣлыхъ группъ населенія, введеніемъ членовъ по назначенію отъ правительства въ выборныя коллегіи, мелочной регламентаціей и запрещеніемъ гласности и публичности засѣданій.

4.

Правительство, которое не довѣряетъ народу, не можетъ разсчитывать само на довѣріе народа. У народа нѣтъ основанія для вотума довѣрія правительству, наоборотъ, у него всѣ данныя для недоувѣрія; и, въ такомъ случаѣ, недоувѣріе народа къ правительству есть его законное право, больше, мы готовы сказать, что это его долгъ передъ родиной. Довѣрять,—значитъ поддерживать, правительство, эксплуатирующее народъ въ интересахъ правящаго класса; между тѣмъ, надо не поддерживать его, а устранить отъ власти, а порядокъ, при которомъ возможно подобное правительство, разрушить.

И русскій народъ, дѣйствительно, платилъ своему правительству за недоувѣріе недоувѣріемъ же съ тѣхъ поръ, какъ оно обратилось изъ народнаго въ «приказное», бюрократическое, и стремился всѣми силами къ разрушенію самодержавія.

Мы строго различаемъ правительство отъ представителя верховной власти, царя, вообще отъ принципа монархической власти. Царь въ глазахъ народа всегда стоялъ высоко, и народъ довѣрялъ ему, равно какъ и принципъ

монархической власти постоянно жилъ и живетъ въ народѣ, какъ, единственно доступная его пониманію, форма государственной власти. Но народъ мыслилъ царя вмѣстѣ съ народомъ, представлялъ себѣ, что царь долженъ править страной вмѣстѣ съ народомъ, и пока такъ было, народъ вѣрилъ правительству. Когда же царь сталъ править землей съ »приказными« людьми, чиновниками, вродѣ воеводъ или намѣстниковъ, а потомъ губернаторовъ или земскихъ начальниковъ, которые «корыстовались» отъ народа, «волочили и убытчили» его, мучили и тиранили, то онъ пересталъ вѣрить правительству. Народъ рѣшилъ, что царь отдѣленъ отъ него ордой чиновниковъ, которые скрываютъ отъ царя всю правду, не доводятъ до царя о нуждахъ народныхъ, а милости, которыя царь посылаетъ своему народу, скрываютъ отъ народа, крадутъ. Какъ извѣстно, въ народѣ очень часто появляются слухи, что царь издалъ манифестъ о какой-нибудь милости народу, чаще всего о прирѣзкѣ земли, но чиновники спрятали этотъ манифестъ, невыгодный для нихъ. Подобный слухъ, о кражѣ манифеста о крестьянской свободѣ, циркулировалъ среди крестьянъ послѣ манифеста 1762 года о дворянской вольности отъ службы; и затѣмъ эта мысль, о кражѣ «всемиловивѣйшихъ манифестовъ» сильными людьми, возникаетъ постоянно по различнымъ поводамъ.

Итакъ, въ народѣ сложилось отрицательное, даже враждебное отношеніе, къ установившемуся на Руси самодержавному порядку. Съ отдѣльными проблесками недовольства мы встрѣчаемся очень рано. Какъ извѣстно, еще Берсеня ворчалъ, что великій князь московскій рѣшаетъ всѣ дѣла «запершись самъ третьей у постели», и вообще де на Руси завелись новые порядки, а старые рушились — за что и поплатился урѣзаніемъ языка. Не менѣе, а пожалуй и болѣе, строгимъ критикомъ новыхъ порядковъ явился кн. Курскій. Въ его критикѣ много личнаго раздраженія и мести «грознаму» царю. Но, тѣмъ не менѣе, изъ полемики царя и князя ясно выступаютъ два теченія — кон-

сервативно-народное и самодержавно-приказное, и хорошо видна борьба представителей двухъ враждебныхъ идеаловъ, двухъ порядковъ.

Къ концу XVI вѣка протестъ, противъ установленнаго московскими князьями порядка, становится общенароднымъ, охватываетъ всѣ классы и приводитъ къ социальнополитическому кризису, къ революціи, извѣстной подъ именемъ «разрухи московскаго государства», смутному времени. Во время этой «разрухи» рухнуло сооруженное московскими князьями зданіе, подъ развалинами котораго погибла и сама московская династія.

Смутное время особенно подчеркнуло необходимость единства Руси и сосредоточенія власти. Въ концѣ концовъ, это было понято всѣми, и, для возстановленія единства территоріи и власти, состоялось избраніе на царство всей земли М. Ѳ. Романова. Однако, самодержавіе, исчезнувшее съ наступленіемъ смуты, не было возстановлено. Во время смуты нѣсколько разъ выбирали царя, и ни одному изъ нихъ не была вручена верховная власть безусловно и вполнѣ—каждый разъ новому царю ставились опредѣленныя условія, заносившіяся въ особый актъ, «запись», на которыхъ онъ клятвенно обязывался править землею. Подобную же «запись» далъ на себя и первый царь изъ дома Романовыхъ—согласно «записи» онъ долженъ былъ править землею, вмѣстѣ съ представителями народа въ видѣ земскаго собора. Однимъ словомъ, власть царя вышла изъ смуты, такъ сказать, ограниченной участіемъ народа и не была ни въ коемъ случаѣ самодержавной.

Такимъ образомъ, въ народномъ сознаніи понятіе самодержавія не совпадало съ единодержавіемъ, наоборотъ,—онъ точно разграничивалъ эти понятія и, во время смуты вполнѣ опредѣленно и практически, на дѣлѣ, выразилъ свое отрицательное отношеніе къ самодержавію, какъ формѣ правленія.

Съ возстановленіемъ участія народа въ управленіи возстанавливается связь царя съ народомъ. Однако,

это продолжается недолго. Земскій соборъ, который служилъ формой единенія царя и народа и совмѣстнаго ихъ управленія землей, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича исчезаетъ безвозвратно, и мало-по-малу мѣсто народа занимаютъ приказные люди, а народъ отодвигается на задній планъ. Связь между народомъ и верховной властью, завязавшаяся было послѣ смуты, разрывается опять, и уже окончательно. Вмѣсто нея возникаетъ крѣпкая связь власти съ «приказными» людьми. Въ концѣ XVII вѣка появляется на престолѣ типичный царь-опричникъ, императоръ-бюрократъ Петръ I, окруженный сонмомъ опричныхъ людей, родоначальникъ русской бюрократіи.

Въ лицѣ Петра I самодержавіе торжествовало свою побѣду надъ народовластіемъ, и съ этого времени форма правленія принимаетъ окончательно тотъ типъ, который она имѣетъ по настоящее время.

Смутное время составляетъ исключительный моментъ для народнаго движенія, направленнаго противъ самодержавнаго режима. Это было время, когда народъ принялъ непосредственное и дѣятельное участіе въ ниспроверженіи существующаго порядка и замѣнѣ его новымъ.

Послѣ уже народная масса, все болѣе и болѣе пригнетаемая тяжестью государственной службы и лишенная всякаго дѣятельнаго участія въ политической жизни страны, могла реагировать на пригнетавшій ее строй только бессознательно, стихійно. Народъ поднималъ бунты противъ правительства, принимавшіе иногда такіе широкіе размѣры, какъ бунтъ Разина, Булавина или Пугачева; отказывался отправлять возложенныя на него повинности, выставлялъ взамѣнъ царей-самодержцевъ своихъ народныхъ царей-самозванцевъ или объявлялъ дѣйствительныхъ царей самозванцами; наконецъ, обращался къ излюбленной формѣ російскаго пассивнаго протеста, т. е. бѣжалъ за предѣлы государства въ степи...

5.

Рядомъ съ чисто стихійнымъ народнымъ движеніемъ, идетъ протестъ противъ самодержавія, вполне сознательный со стороны болѣе образованнаго общества. Крутая и желѣзная власть Петра I въ особенности дала сильный толчекъ движенію. Смерть преобразователя вызвала не одинъ облегченный вздохъ, и первой мыслью послѣ его смерти—была мысль объ ограниченіи верховной власти. Практическія попытки въ этомъ направленіи не удались, но критикѣ самодержавный строй въ это время подвергся самой безпощадной. Можно смѣло сказать, что общественное мнѣніе было всецѣло противъ него, и только стеченіе внѣшнихъ условій, благопріятное самодержавію, спасло его.

Въ критикѣ самодержавія и противоположеніи ему политически-свободнаго строя сходились люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и общественныхъ положеній. Укажемъ, какъ на примѣръ, на аристократа, не только по происхожденію, но и по убѣжденіямъ, кн. Щербатова и на демократа до корней волосъ, Радищева. Оба эти публициста екатерининскаго времени сошлись на мысли о негодности самодержавно-бюрократическаго порядка и виновности его во всѣхъ внутреннихъ бѣдахъ Россіи: Щербатовъ прямо отказывался причислить существующій въ Россіи образъ правленія къ «родамъ правленія». Онъ различалъ три формы правленія—монархію, аристократію и демократію; но монархію понималъ какъ подзаконный образъ правленія, при участіи народа—по его мнѣнію, монархія, «должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные», и государю нужно «имѣть совѣтъ, сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ счастію государства». Въ Россіи этого не было, и потому Щербатовъ приравнивалъ существующій образъ правленія къ «самовластію» или «деспотичеству».

Самовластіе же есть извращеніе монархіи и злоупотребленіе властью. «Вмѣсто что въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ является быть сдѣланъ для государя». Все зло такого образа правленія заключается въ томъ, что надъ народомъ господствуютъ лица, а не законъ, и прежде всего самовластный монархъ. Личныя качества монарха тутъ дѣлу помочь не могутъ. «Тщетно естество истощить свои сокровища для произведенія деспота, одареннаго всѣми возможными добродѣтелями въ семъ родѣ правленія, однако, онъ весьма мале блага народу сдѣлаеть, если не испровергнетъ самовластія вмѣсто что несчастіе и злключеніе народа почти вездѣ послѣдуютъ поступкамъ такого государя. Воюеть-ли онъ, миръ ли заключаетъ, никогда ни въ чемъ о пользахъ народа не старается, но болѣ имѣеть въ предметѣ, честолюбіе или своенравіе государя; сочиняеть ли благіе законы, народъ не имѣеть причины радоваться, понѣже въ его самоизволеніи состоитъ ихъ отвергнуть или, поставя ихъ, пребывать, нарушать ихъ, когда ему угодно, ради всѣхъ тѣхъ, для кого онъ восхочеть. И дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, который,—я уже не упоминаю о дарованіяхъ счастья, но и самую жизнь имѣеть токмо тогда, пока угодно деспоту соизволить ему оной пользоваться,—навсегда лишенъ величайшаго дара природы, то есть вольности?»

Щербатовъ, служившій самъ и много наблюдавшій, иллюстрируетъ свои мысли многими примѣрами изъ русской современной дѣйствительности, изобличаетъ вельможъ, администраторовъ, бичуетъ ихъ пороки; публицистъ не дѣлаеть исключенія даже для императрицы, о которой онъ отзывался очень рѣзко. Между тѣмъ «подъ сими-то правителями,—говоритъ Щербатовъ,—россійскій гражданинъ долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ, довольною силою снабженныхъ; онъ долженъ ежедневно страшиться вельможъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безо-

пасности, какъ слабая лодка безъ руля среди сурово волнующагося моря. Нѣсть ни правила, коему бы могъ послѣдовать, ни пристанища, гдѣ бы зрилъ свое спасеніе». На Радищева окружающая дѣйствительность производила то же удручающее впечатлѣніе. Онъ самъ про себя говоритъ: «я взглянулъ окрестъ меня—душа моя содрогнулась, страданіями челоувѣчества уязвлена стала».

Подобно Щербатову, онъ не видѣлъ въ русской жизни законности, наоборотъ, видѣлъ беззаконіе, произволь, поправіе не только гражданскихъ, но просто челоувѣческихъ правъ, и приписывалъ все это особенностямъ русскаго государственнаго строя, т. е. самодержавію.

«Самодержавство,—по мнѣнію Радищева,—есть наипротивнѣйшее челоувѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, по нѣже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣеть другого права наказывать преступниковъ, oprичъ права собственныя сохранности».

Если мы подчиняемся закону, то вполнѣ добровольно и въ собственныхъ интересахъ. Законъ обязателенъ для всѣхъ, и если власть нарушаетъ законъ, то ей не слѣдуетъ повиноваться—«тогда гражданинъ пользуется природнымъ правомъ защищенія».

«Государь есть первый гражданинъ народнаго общества». «Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками».

Въ вопросѣ объ уничтоженіи самодержавія Радищевъ, понятно, шелъ гораздо дальше Щербатова, онъ требовалъ уже прямо демократической республики.

Не всѣ дворяне, конечно, думали и разсуждали такъ, какъ Щербатовъ, и не вся публицистика относилась отрицательно къ самодержавію, подобно Радищеву—у Екатерины II не мало было сторонниковъ въ обществѣ и литературѣ, даже поклонниковъ, но несомнѣнно господствующій тонъ публицистики былъ именно такой, какъ у Щер-

батова и Радищева. Наконецъ, насколько было распространено враждебное отношеніе къ самодержавію, показываетъ конституціонное движеніе 1730 года, захватившее широкіе круги дворянства, шляхетства, и вообще обиліе конституціонныхъ проектовъ въ эту эпоху. Проекты такого рода идутъ въ теченіе всего XVIII вѣка съ начала до конца. Идея конституціонализма проникла даже въ бюрократически-придворные круги. Одному изъ видныхъ сановниковъ екатерининскаго царствованія принадлежитъ цѣлыхъ два конституціонныхъ проекта. Мы говоримъ о гр. М. И. Панинѣ.

344000
Всѣ неурядица въ русской государственной жизни Панинъ приписывалъ отсутствію въ управленіи твердо установленныхъ началъ, или, какъ иначе онъ выражался, «непремѣнныхъ законовъ». Русская жизнь полна превратностей и неожиданностей, потому что она направляется «силой персонъ», а не «силой учреждений», въ ней господствуетъ не законъ, а прихоть и капризъ одного лица. И пока въ Россіи существуетъ самодержавіе, иначе и быть не можетъ. Все дѣло въ самодержавіи, — оно источникъ всѣхъ бѣдствій для Россіи.

«Гдѣ произволъ одного есть законъ верховный, тамъ прочная общая связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединялись бы узломъ взаимныхъ правъ и обязанностей; одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не нравъ государя приноравливается къ законамъ, но законъ къ его нраву. Какая же довѣренность, какое почтеніе можетъ быть къ законамъ, не имѣющимъ своего естественнаго свойства, т. е. соображенія съ общею пользою?.. Тутъ подданные поработаны государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу»...

6.

Въ XIX вѣкѣ критика самодержавія проникаетъ въ царскіе чертоги, и оппозиція самодержавному режиму сви-

всѣтъ себѣ гнѣздо у самага престола, въ средѣ близкихъ самодержцу людей, находитъ поддержку въ монархѣ.

Мы говоримъ объ Александрѣ I, который не иначе отзывался о существующемъ порядкѣ, какъ о «безобразномъ зданіи» и хотѣлъ его перестроить по образцу конституціонныхъ странъ западной Европы, и объ интимномъ кружкѣ, образовавшемся около императора-конституціоналиста. Въ этомъ кружкѣ, какъ извѣстно, весь тогдашній государственнй строй подвергся самой строгой критикѣ и былъ обреченъ на сломку и замѣну новымъ конституціоннымъ. Настроеніе кружка и главы его, т. е. императора, раздѣлялось широкими кругами общества, и планы ихъ находили самую сильную поддержку въ обществѣ. Назовемъ офицерство, изъ котораго вышли декабристы. Можно безошибочно сказать, что то былъ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда общество и правительство сошлись на мысли о негодности самодержавно-бюрократическаго режима. И, если когда данный режимъ переживалъ наиболѣе серьезный кризисъ и опасность, то именно въ это время. Противъ самодержавія было само правительство, сама бюрократія. Изъ-подъ пера бюрократа Сперанскаго вышла едва ли не самая уничтожающая критика самодержавно-бюрократическаго порядка.

Въ Россіи, по мнѣнію Сперанскаго, утвердилось прочное господство произвола и личнаго усмотрѣнія властей. «Отсюда происходитъ, что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства... имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ». «Отсюда происходитъ та великая несвязность, которая въ законахъ нашихъ на каждомъ шагу встрѣчается». «Отсюда происходитъ, что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону»... «Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ коею законы наши были премѣняемы»..

«Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постоян-

наго и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобствамъ.

Отсюда происходитъ и та слабость въ исполненіи закона, на которую столько разъ жалобы были оглашаемы». «Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами. Самыя подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона».

Даже у консервативно и самодержавно настроеннаго автора записки о старой и новой Россіи, исторіографа Карамзина, вырываются злобныя ноты противъ режима или представителей его. Напримѣръ, вотъ какой характеристикѣ удостаиваетъ онъ императора Павла I.

«Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества: къ неизъяснимому изумленію россиянь онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ; не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти, считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ нашихъ полкахъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства; героевъ, приученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянъ отъ военной службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣлъ, какъ челоуѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; вымышлялъ ежедневно способы ужасать людей, а самъ всѣхъ болѣе страшился, думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу».

То, что сказалъ здѣсь Карамзинъ о Павлѣ, можно сказать о каждомъ самодержцѣ, вообще, о самодержавіи, и судьба, постигшая Павла, была приготовлена и самому режиму; сознательно или безсознательно, но Карамзинъ въ характеристикѣ Павла отмѣтилъ особенности режима, тяготѣвшаго надъ Россіей.

Послѣ отечественной войны, какъ извѣстно, произо-

шла переменна въ настроеніи императора Александра I и поворотъ во внутренней политикѣ въ сторону реакціи. На общество, однако, реакція произвела обратное дѣйствіе— вызвала подъемъ.

Общество перешло къ болѣе дѣятельной критикѣ существующаго порядка и выработкѣ плановъ государственнаго преобразованія. Чѣмъ болѣе росла реакція, тѣмъ болѣе обострялось отношеніе прогрессивной части общества къ правительству, разрѣшившееся декабрьскимъ переворотомъ.

Въ движеніи декабристовъ выразился могущественный протестъ общественнаго мнѣнія противъ самодержавія. Протестъ отличался необыкновенной стойкостью и энергичностью. Онъ исходилъ изъ небольшихъ сравнительно круговъ общества, но несомнѣнно изъ наиболѣе образованныхъ, людей виднаго общественнаго положенія, близкихъ къ жизни, хорошо понимавшихъ ея нужды и преданныхъ отечеству до самоотверженія.

Можно спорить о цѣлесообразности средствъ, выбранныхъ декабристами, о моментѣ, выбранномъ для переворота, о подробностяхъ политическихъ проектовъ, но въ самомъ движеніи нельзя не видѣть выраженія общественнаго мнѣнія страны. Это подтвердила какъ вся русская дѣйствительность до нашихъ дней, приведшая Россію къ современному кризису, такъ и послѣдующее освободительное движеніе, представители котораго считаютъ себя прямыми преемниками и продолжателями дѣла декабристовъ.

Неудача декабристовъ вызвала только перерывъ въ движеніи, направленномъ противъ самодержавія, на нѣскольکو десятилѣтій, а не совершенное прекращеніе его.

Жестокая реакція въ царствованіе Николая I оказала, вопреки ожиданіямъ этого императора, очень плохую услугу самодержавію. Она подорвала всякое довѣріе къ этой формѣ правленія и вмѣсто подавленія протеста, давленія общественной мысли, вызвала, подготовила могущественную оппозицію въ общественномъ мнѣніи. Внѣшній поводъ

въ видѣ севастопольскаго разгрома русскихъ военныхъ силъ былъ толчкомъ для взрыва общественнаго негодованія противъ руководителей русской внутренней и внѣшней политики. Самъ виновникъ разгрома не пережилъ позора Россіи и своего. Въ послѣднюю минуту у него, вѣроятно, мелькнуло сознаніе, что онъ не спасъ Россіи отъ революціи, какъ хотѣлъ, а, наоборотъ, толкнулъ ее на этотъ путь. Въ царствованіе его преемника какъ разъ возникаетъ въ Россіи чисто революціонное движеніе, дошедшее до нашихъ дней и перешедшее въ настоящее время во всероссійскую революцію.

Послѣ заключенія парижскаго мира въ 1856 году, русское общество охватило сильное оппозиціонное движеніе противъ самодержавно-бюрократическаго режима. Журналы и газеты были полны статей рѣзкаго содержанія, на общественныхъ собраніяхъ произносились рѣчи, въ которыхъ порицался существующій порядокъ. Критика и нападки общества прежде всего были направлены противъ ближайшаго насажденія режима, крѣпостнаго права. Оно служило, такъ сказать, символомъ дореформеннаго порядка, больше—его оплотомъ.

Отмѣна крѣпостнаго права и либеральныя реформы Александра II были первой крупной побѣдой общественнаго мнѣнія надъ самодержавіемъ. Съ паденіемъ крѣпостнаго права, института социальнаго рабства, самодержавіе, институтъ политическаго рабства, лишилось своей естественной опоры и почувствовало начало своего конца.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на отношеніи общественнаго мнѣнія къ самодержавно-бюрократическому режиму въ эту эпоху. Событія царствованія Александра II и его преемниковъ хорошо извѣстны, напомнимъ только, что на необходимость измѣненія существующаго государственнаго порядка въ конституціонный указывалось въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества—въ дворянскихъ собраніяхъ, городскихъ, земскихъ, которые подавали въ этомъ смыслѣ адреса, возбуждали ходатайства. Это бы-

ло, такъ сказать, легальной формой протеста противъ самодержавія. Наряду же съ легальнымъ протестомъ шелъ протестъ революціонныхъ организацій, завершившійся событіемъ 1-го марта.

Итакъ, наличность протеста противъ самодержавія какъ въ народной массѣ, такъ и въ образованномъ обществѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Протестъ существуетъ все время, проходитъ черезъ всю вѣковую исторію самодержавія, достигая иногда открытыхъ возмущеній, заговоровъ или мирныхъ попытокъ введенія конституціи. И остается только удивляться, что эта форма правленія существовала такъ долго, вопреки народнымъ желаніямъ.

7.

Нашъ очеркъ конченъ. Читатель не нашелъ въ немъ ни одного слова въ пользу самодержавія, не потому, конечно, что такое слово никѣмъ не было сказано, что у самодержавія не было друзей—у него были друзья—а потому, что въ задачу очерка входило отмѣтить мнѣніе тѣхъ круговъ общества, которые стояли на общегосударственной точкѣ зрѣнія, осуждали самодержавіе въ интересахъ цѣлаго народа, а не личныхъ или классовыхъ.

Даже кн. Курбскій, въ полемикѣ котораго съ Грознымъ несомнѣнно чувствуется личное раздраженіе, стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Его мнѣніе находило себѣ отголосокъ въ широкихъ слояхъ населенія, что подтвердили событія смутнаго времени. То же можно сказать о конституціоналистахъ XVIII вѣка. Хотя, напримѣръ, въ движеніи 1730 года замѣтна сословная тенденція, и проекты этой эпохи проникнуты аристократизмомъ, тѣмъ не менѣе цѣль у нихъ была общегосударственная—поставить силу закона выше силы персонъ. И движеніе въ такомъ видѣ несомнѣнно отвѣчало народнымъ интересамъ. О девятнадцатомъ вѣкѣ и говорить нечего. Декабристы дѣйствовали не какъ представители сословія, а какъ общественные дѣятели. Все

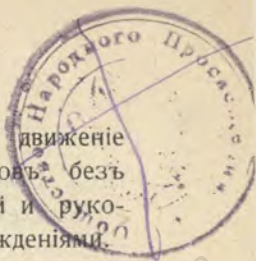
же послѣдующее оппозиціонное самодержавію движеніе исходило изъ широкихъ интеллигентныхъ круговъ, безъ различія и независимо отъ классовъ или сословій и руководилось самыми высокими, безкорыстными побужденіями.

Поддержка же самодержавію шла отъ круговъ, дѣйствовавшихъ въ интересахъ своего класса. Будучи сами заинтересованы въ этой формѣ правленія, они являлись въ данномъ вопросѣ пристрастными судьями и мнѣніе ихъ для насъ поэтому не имѣетъ цѣны. Къ тому же нѣкоторые изъ нихъ были связаны съ самодержавіемъ не только моральными, но наиболѣе прочными узами — матеріальными въ прямомъ или скрытомъ видѣ. Мы говоримъ о многочисленныхъ въ Россіи «государственныхъ пенсіонерахъ и потребителяхъ казеннаго пирога».

Къ числу заинтересованныхъ въ самодержавіи круговъ должно быть прежде всего отнесено духовенство. Оно съ первыхъ дней самодержавія связало себя съ этой формой правленія. Духовенству очень многимъ были обязаны московскіе князья-собиратели и при его же содѣйствіи все время послѣ до нашихъ дней росла и укрѣплялась «держава» русскихъ самодержцевъ. Самодержавіе и православіе сплелись въ тѣсный неразрывный союзъ, крѣпкій общностью интересовъ, — сначала объединенія Руси, а потомъ укрѣпленія власти — и шли на протяженіи столѣтій рука объ руку, поддерживая и помогая другъ другу. Только въ послѣднее время союзъ обнаружилъ признаки разрушенія.

Папистскія стремленія патріарховъ Филарета и Николая стоятъ одиноко, не нашли себѣ подражателей и не отразились на судьбахъ союза русскаго государства съ церковью и самодержавіемъ съ православіемъ.

Другимъ классомъ, поддерживавшимъ самодержавіе, было дворянство. Оно до сихъ поръ считается опорой престола. Отдѣльные представители его нерѣдко выступали противъ самодержавія вмѣстѣ съ передовыми людьми русскаго общества, въ массѣ же дворянство всегда стояло на стражѣ самодержавія, дѣйствуя сословно, эгоистически.

Digitized by Google

Подъ вліяніемъ этого сословнаго эгоизма, обострившагося въ шляхетствѣ въ послѣдній моментъ, не удалась конституціонная попытка 1730 года.

Объясняется это общностью интересовъ самодержавія и дворянства. Судьбы перваго и втораго тѣсно связались въ XVIII вѣкѣ, когда самодержцы всходили на престолъ милостью дворянскихъ полковъ, и съ тѣхъ поръ эта связь не прерывалась до нашихъ дней.

Въ послѣднее время къ хору защитниковъ и поборниковъ самодержавія присоединилъ свой голосъ торгово-промышленный классъ. Вскормленный государственными субсидіями и казенными поставками и обласканный вниманіемъ и заботами самодержавной власти, этотъ классъ не могъ не чувствовать своей кровной связи съ самодержавіемъ и не выступать въ его защиту.

Благодаря этимъ классамъ общества, вмѣстѣ съ огромной народной массой, которая всегда, въ силу невѣжества, служитъ безсознательно оплотомъ консерватизма, и своимъ политическимъ индифферентизмомъ поддерживаетъ существующій порядокъ, получалось фактическое соотношеніе силъ въ пользу самодержавія, и ему было обезпечено такое долговременное существованіе.

Эти круги были, правда, многочисленнѣе передовыхъ круговъ, но кто же не знаетъ, что истина всегда бываетъ достояніемъ меньшинства, а не большинства, отчего, однако, она не перестаетъ быть истиной.

Въ послѣдній моментъ, впрочемъ, истина восторжествовала и оправдала движеніе противъ самодержавія.

Послѣ долгой упорной борьбы общественному мнѣнію удалось измѣнить фактическое соотношеніе силъ въ свою пользу и принудить самодержавіе уступить свое мѣсто другой формѣ правленія, болѣе согласной съ народными интересами и давними народными желаніями.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

1	Короленко—Приемышь	2	59	Пѣсни труда	8
2	Дмитріева—Майна-вира	3	60	Темный—Спроткнишь	3
3	Чириковъ—Маленькій грѣши.	1	61	Сазановъ—Въ пути	3
4	Андреевъ—Баргам. и Гараскъ. 1 1/2		62	Бунинъ—Надъ городомъ	1
5	Кретцеръ—Исторія чернаго сюртука	1	63	Елпатьевскій—Отл. мой сок.	2
6	Крандіевская—Для души	2	64	Стапюковичъ—Эмигрантъ	3
7	Чириковъ—Свинья	2	65	Избр. стихот. Надсона	3
8	Н.-Данченко—Старый замокъ	3	66	Андреевъ—Ангелочекъ	3
9	Свирскій—Забракованный	3	67	Андреевъ—Жили-были	3
10	Костянь—Ошибка	2	68	Скиталець—Атаманъ	2
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3	69	Серафимовичъ—Въ камышахъ	2
12	Стапюковичъ—За „Щуплень“.	2	70	Вѣлоконскій—За что и почему.	3
13	Митропольскій—Вода	2	71	Яблоновскій—Завѣтн. мечта	3
14	Серафимовичъ—Местъ	3	72	Елпатьевскій—Присяж. зас.	2
15	Мельшинъ—Искорка	3	73	Вересаевъ—Къ свѣту	1
16	Мельшинъ—Чортовъ яръ	4	74	Серафимовичъ—На льдинѣ	3
17	Андреевъ—Гостинець	2	75	Мельшинъ—Маленькие люди	4
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2	76	Булгаковъ . Что за стр. Япон.	5
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3	77	Яковлева—Свидѣтель	8
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2	78	Телешевъ—Хлѣбъ-соль	1 1/2
21	Вѣлоконскій—Страховка	2	79	Русова—На счаст. остров.	6
22	Ивашева—Мой день	2	80	Короленко—Соколинецъ	7
23	Короленко—Ночью	5	81	Чириковъ—Коля и Колька	2
24	Тимковскій—Среди людей	5	82	Елеонскій—Огорченіе	3
25	Русова—Биографъ Гарибальди	4	83	Русова—Братья Гракхи	3
26	Отч. Пар. не выуч. грам.	3	84	Телешевъ—Нужда	1 1/2
27	Златовратскій—Мечтатели	4	85	Изб. ст. А. Толстого и др. поэт.	3
28	Н.-Данченко—Махмудъ дѣти	3	86	Молодая жизнь	7
29	Ожешко—Гедали	3	87	Золя—Кровь	3
30	Юшкевичъ—Хаймка и Госька	2	88	Вѣлоконскій—Фейга	3
31	Вересаевъ—Въ пути	1	89	Успенскій—Будка	3
32	Франко—Самъ виновать	1 1/2	90	Короленко—Мгнов. и Огоньки	2
33	Алексѣевъ—Изъ-за хлѣб. нас. 1 1/2		91	Пѣсни мира Сборн. стихот.	2
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3	92	Н.-Данченко—Соловьи. ночь	1
35	Вересаевъ—Въ сух. туманѣ	2	93	Вѣлоконскій—Страш. мѣсто 1 1/2	
36	Митропольскій—Отсрочка	1	94	Мирбо—Бродяга	1
37	Яблоновскій—Удружилъ	1	95	Гези—Антуанъ Матье	3
38	Франко—Хорош. заработокъ	1	96	Тимковскій—Травля	5
39	Мать (съ армянскаго)	1 1/2	97	Наживинъ—Волось Мадонны	1
40	Остои—Поденникъ	2	98	Франко—Къ свѣту	3
41	Некрасовъ и Никитинъ	4	99	Чириковъ—Въ отставку	7
42	Бунинъ—Байбаки	3	100	Зарницы—Сборникъ стихот.	5
43	Петровскій—Не дался	1	101	Андреевъ—На станціи	1
44	Дмитріева—Вѣлыя крылья	2	102	Бунинъ—На край свѣта	1 1/2
45	Серафимовичъ—Въ бурю	3	103	Рубакинъ—Искорки	5
46	Яблоновскій—Конокрадъ	3	104	Короленко—Марусина заимка	10
47	Франко—На днѣ	9	105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
48	Какъ сицил. крест. боролись	6	106	Андреевъ—Въ темную даль	3
49	Н.-Данченко—Воскр. пѣснь	5	107	Андреевъ—Валя	2
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4	108	Вересаевъ—Объ одномъ домѣ	3
51	Вѣлоконскій—Дерев. Печаль	3	109	Короленко—Послѣдній лучъ	3
52	Дмитріева—Волки	3	110	Короленко—Морозъ	4
53	Мирбо—Война	3	111	Мельшинъ—Въ плѣну	3
54	Митропольскій—На плотяхъ	3	112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
55	Короленко—Черкесъ	4	113	Чириковъ—Тавно счастье	7
56	Вересаевъ—Звѣзда	1 1/2	114	Рубакинъ—Книгоноша	20
57	Телешевъ—Противъ обычая	2	115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
58	Яблоновскій—Въ консулт.	3	116	Андреевъ—Весенія обѣщанія	3
			117	Наживинъ—Ложь	1 1/2

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

118 Суздальцевъ.—Рич. Остлеръ. . . 3	167 Пѣсни борцовъ—Сб. стихотв. 3
119 Крюковъ—Въ родныхъ мѣст. 5	168 Конопницкая—Юзефово . . 1 1/2
120 Короленко—Госуд. ямщики . 7	169 Танъ—Истин. народн. предст. 4
121 М. Конопницкая—Якониъ . . 1 1/2	170 Дѣти рабочихъ 1
122 А. Я. Лоповскій—Нухимъ . . 3	171 Серафимовичъ—Подъ землей. 3
123 П. Бутошанъ—Случай № 212 1	172 О. Зновицъ.—Въ чертѣ осѣдл. 1 1/2
123. С. Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу 6	173 Ив. Наживинъ—Братья 2
125 В. Короленко—На затменіи . . 3	174 Ивановичъ—Не поправилось . 2
125 Сказка о четырехъ братьяхъ 4	175 Русова—Своб. респ. Швейц. 4
127 Юшкевичъ—Кабат. Гейманъ 4	176 Партія и крестьяне въ Г. Дум. 15
128 Наживинъ—Въ степи 1 1/2	177 Новиковъ—Враги народа . . 15
129 Конопницъ.—Мендель Гданскій 3	178 Г. Джорджъ, его жизни учеп. 6
130 Пругавинъ—Милліонъ 6	178 ² Костинъ—Одинъ 2
131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь 2	179 Шевченко—Изб. стих (малор). 3
132 Гези—Благотворительность . . 2	180 Поливановъ—Кончился . . . .
133 Дикштейнъ—Кто чѣмъ живетъ 3	181 Какъ мужичекъ въ долгу ост. 182
134 Какъ нѣмцы доб. себѣ своб. . 3	183 Почему бѣдна Россія 2
135 Короленко—Чудная 3	184 Пѣсни рабочихъ 2
136 Бакуръ.—Какъ выб. нар. пред. . 1	185 Ибаньесъ—Долженъ лицо (пал.) 2
137 Разрушенный молъ 1	186 Товарищъ, не измѣняй 1
138 Успенскій—Неизлѣчимый . . 5	187 Народный трибунъ Бабефъ 1
139 Погорьловъ—Въ глуши 2	188 Львовъ—Общ. прав. о землѣ 4
139 ¹ Бунилъ—Черноземъ 2	189 Волкенштейнъ—Почему треб. своб. личности 1
140 Л. Андреевъ—Предст. кража 1 1/2	190 О. В. Почему треб. своб. сход. 1
141 Конопницкая—Дымъ 1 1/2	191 Анг. рабоч. прежде и теперь 4
142 Национальное собраніе 1 1/2	192 Какъ гссп. 1-е мая празднов. 1 1/2
143 Амичисъ—Красная гвоздика 2	193 Что видно въ подзор. трубу 2
144 Мѣстное самоуправленіе 3	194 Голубевъ—Что сказали наши представят. Царю 4
145 Права человѣка и граждан. 1 1/2	195 Голубевъ—Что министры сказали нашимъ представит. 2
147 Бирскій—Безъ исхода 3	196 За свободу—Сб. стихотв. . . . 2
148 О земельномъ вопросѣ 2	197 Волкенштейнъ—Женщ. - пѣб. 1
149 Сопъ подъ 1-е мая 3	198
150 ¹ Пауки и мухи 1	Въ помощь читат. разбор. нов. кн
150 ² Павуки та мухи 1	Аграрный вопр. 5
153 Что такое государ. роспись . 3	Рабоч. вопросъ 5
153 ² Джаво—(съ арм.) 1 1/2	Избираг. право 5
154 Облстное народоправіе 1	Историческія книги 5
155 Национальн. рада (на малорос.) 2	Беллетристика 5
156 О налогахъ (Хитрая механика) 3	Практичес. политика 5
157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... . 3	Аграрн. вопросъ в. II 5
158 Какъ франц. добыли свободу 3	198 ⁴ 186
159 Л. Толст. Неуж. такъ надо? 3	198 ⁷ 186
160 Л. Толстой—О смерт. казни . 1	198 ⁹ 186
161 Новиковъ—Женщ.-тов.-мужч. 4	199 Мельшинъ—Школа въ катор. 7
162 Что такое тайн. под. голосовъ 1	200. Короленко. Сонъ Макара. . 6
163 Радловъ—Котлоличствъ Ваня . 4	200 ² Наши братья 5
164 Проектъ основ. зак. о землѣ . 6	402 Русова—Луиза Мишель . . 8
165 Журавлевъ—Убийство 3	404 Пютемець воспитател. дома 5
166 Юшкевичъ—Левко Гемъ 3	406 Юшкевичъ—Ита Гайне . . 12
	408 Брусаянинъ—Заразные люди 2

Главный складъ: Ростовъ на Дону, Казанская ул., 42.

ОТДѢЛЕНІЯ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Тефлисѣ и Томскѣ. Лица, выписывающ. на 3 р., за пересыл. не платятъ. Книжн. маг. 30% скид. Выписыв. изъ Ростовск. склада свыше 20 р. въ Европ. Рос. за перес. по желѣзн. дор. не платятъ.